

МЕЛКОТРАВЧАТЫЙ

– Пора тебе писать уже что-то большое, повестушку хоть какую-нибудь сочини, – сказал один старший товарищ. – Сороковник как-никак.

Он, между прочим, ни много ни мало – о Ломоносове написал роман. А я – рассказы-горошинки чаще всего о старичках и старушках, живущих в деревне. Но не всем же романы писать. Может, когда-нибудь эти горошинки созреют в большой, вкусный стручок романа. А может, и не созреют, раскатятся по углам – не найти...

Мелочусь, да. Всегда так было. В редакции газеты, куда я попал зелёным корреспондентом сразу после института, ответственный секретарь мои заметули посылала красиво:

– Мелкотравчатая информашка, не пойдёт.

– Но ведь там про людей... – слабо возражал.

В ту же секунду ответсек без лишних слов заметку жирно перечёркивала и клала на черновики в кучку. Клала, кучка... Это про те мои заметки самые точные слова.

Записную книжку я завёл про запас, на будущее. Авось (это слово – наше всё) пригодится для романа. Кстати, у моего любимого Абрамова тоже есть мелкие по размеру, но не по сути миниатюры, «Трава-мурава» называются, в целую книгу сложились. Он ими очень гордился. Потому что про людей. А вы говорите – мелкотравчатые...

ОЛИМПИЙСКИЙ МАЛЬЧИК

Я родился в год Олимпиады-80. Помню, что ещё толком не умел писать и фломастером обводил весёлого мишку-атлета и олимпийские кольца в сувенирных блокнотах, распространившихся по всему СССР и, наверное, далеко за его пределами. Мне было годика четыре. Значит, через эти годы олимпийские блокноты сохранились в нашей семье. Что ещё от Олимпиады досталось? Да больше ничего. Спортсменом не стал...

Подарочек из преолимпийской Москвы нежданно-негаданно пришёл в бабушкину деревню. Точнее, сам приехал. А ещё точнее – приехала. Молодая женщина. Клавку местные назвали Высевленкой: её как неблагонадёжный элемент выселили из столицы. Разгульную жизнь там вела, а деревенские говорили по-своему: слаба на передок.

Я с детства запоминал какие-то ненужные мелочи, конечно, не думая, что они потом превратятся в важные художественные детали. Врезались в память изумрудные серёжки в ушах Клавки и чёрный кожаный пиджак, в котором она ходила в деревне. Наверное, это была приманка для молодых трактористов... Может, я ещё напишу про Клавку, а может, и нет. В деревню она приехала сочной двадцатилетней девушкой, а теперь уже вся сухая, морщинистая. Олимпийский мальчик и олимпийская старуха...

Нас много – родом из 80-го. В моей детсадииковской группе было два Артёма Попова. Как нас называли воспиталки – хоть убей – не помню. Интересно, где мой тёзка сейчас, чем двойник занимается?

ЗНАТЬЁ БЫ...

– Знатьё бы, обошёл твоё Якушино по верхам через Истопёночку.

Папа иногда скажет так, что переводчик нужен. Он родом из деревни, хотя всю жизнь прожил в городе, сейчас частит диалектными словечками. А мне нравится эти слова катать на языке и в запасной книжке собирать.

Знатьё бы. Знал бы... Так, глагол легким движением превратился в существительное. По верхам – значит, по угорам. Ну, а Якушино, Истопёночка – названия деревушек. Из Якушина родом мама. Обошёл деревню – то есть лучше бы не встретился папа с мамой. И меня тогда бы не было, и не писал бы сейчас эти заметки...

Но я не об этом думаю, о другом: откуда есть повелось Якушино. Я кушаю – Якушино. Нет, ложная, народная этимология, скажет умный филолог. Якушино на самом деле от мужского имени Яков. «То Якова деревня, Якушкина, Якушино». Древнееврейское имя, между прочим, непонятно, как в Вологодской глуши оказалось.

А Истопёночка – вообще песня. Истоплю-ка я печь... Нет, из болотной топи берёт начало речка, а при ней деревня Истопёночка. Была... Исчезла, даже бревенчатые срубы сейчас не найти среди розового моря иван-чая. А Якушино ещё живёт, хлеб кушает.

Конечно, говоря так, папа шутил. Они с мамой впервые увиделись, когда она в первый в класс пошла, а папа уже «большой» был – второклассник. Пятьдесят лет (полвека сильнее звучит?) вместе, не расставались никогда. И уже не расстанутся.

ВЕНЬКА КАПИТАН

Капитана я боялся с детства. Прозвище такое было у Веньки, деревенского чудика. Мягко сказано «чудика»: мог и с ружьём ночью в окно бабушкиной избы постучаться. Это бывало, конечно, не всегда, а временами, когда он сходил с катушек. А так – работал, или, как у нас говорят, рОбил, всю жизнь на ферме со скотиной. К слову, внешность у Веньки примечательная: почти греческий профиль, нос с горбинкой, вьющиеся светлые волосы.

После просмотра кино в деревенском клубе он, тогда ещё безусый паренёк, начал заговариваться.

Папа как-то в подробностях рассказал, как было дело. В перерыве между первой и второй сериями фильма про Великую Отечественную войну деревенские мужики курили на крыльце. Вдруг Веня сказал не своим голосом:

– Побегал домой! Аркашка пытается нашу семью.

Аркадий – это сосед семьи Вени, добродушный и миролюбивый. Мужики только заржали. Подумали, что шутит пацан. Никто серьёзно не воспринял его слова. Но с того страшного фильма про немцев (умели делать в Советском Союзе кино и без всяких спецэффектов!) всё и началось.

На самом деле всё случилось гораздо раньше, когда Веньке было семь лет. Отец послал парнишку в лес за ветками осины для овец, которых у нас почему-то называют мАси. Осенью темнеет рано. Может, Венька ещё за ягодами зашёл – словом, заплутал.

Каково ночью в лесу мальцу? Я как-то пытался прогуляться поздним вечером по тропинке недалеко от дачи. Бр-р-р! Мне казалось, что из-за каждого дерева кто-то может выскочить. Это мне, взрослому, а тут дитё...

Веню той ночью искали всей деревней. С факелами (электрических фонарей не было) заходили далеко в лес, мужики стреляли в воздух... Нет Веньки, не отзывается.

Что он пережил – только ему одному известно. К вечеру следующего дня позвонили из соседней области – из села за двадцать километров: нашёлся паренёк! Как он там оказался? Но главное – живой. Молчал только долго, не говорил, чего он натерпелся в лесу. Рассказывал потом, что лису видел и падаль – лося, наполовину съеденного.

Только после истории с фильмом про войну на Веньку обратили внимание. Показывали врачу в городе – без толку. Повезли в область. Там врачи поругали родителей: «Куда смотрели раньше?» А родители что? У них не семеро по лавкам, а восьмеро... Положили Веню в психиатрическую больницу.

Так бедный и жил: все ребята пошли в армию, а его оставили дома. После службы пацаны выучились на трактористов, а ему дорога – только в скотники.

Раз в год Капитана отправляли в больницу – «для профилактики». Пить ему нельзя было ни грамма, даже пива, потому что очень агрессивным становился. Сила была у него невероятная: три мужика только могли его скрутить, уложить лицом в землю. Тогда он затихал, как пойманный в капкан зверь.

В один из приездов в деревню он поразил меня тем, что открыл гвоздём банку консервов.

У Капитана всегда много было запасено грибов и ягод даже в неурожайный засушливый год. В лес Веня не боялся ходить, как можно было бы подумать. И нас водил, все места знал. Вот, наверное, откуда появилось это прозвище – Капитан!

В другой наш приезд в деревню он уже ходил, опираясь на палку, где-то сломал руку, и она неестественно вращалась у него во все стороны, как тряпичная. Похоже, боли Капитан не чувствовал... В то лето был вечно пьяным, с безумными глазами, ругался почему-то одним словом

«падаль». Мы не сразу и разобрали, что он кричит. Может, тот самый лось из детства и есть эта «падаль»? Кто ж теперь знает...

Отчего Веня умер – неизвестно. Запился, скорее всего. Не стало больше у нас в деревне своего Капитана.

ЧТО В ГОРБУ

Нехорошо писать про физические недостатки людей. Так мне всегда говорили. Да я и сам знаю. Но если про чужие недостатки нельзя, то про свои ведь можно? Тем более если это комплекс помогает изжить.

Я с детства сутулился.

– Если будешь ещё горбиться, в горбольницу положат, – пугала мама.

«В ГОРБольшую, – с ужасом думал про себя, – это туда, где лечат горбы у детей». Оказалось позже, что это ГОРодская Больница.

Потом я стал студентом-филологом. А он по определению не может быть атлетом. По крайней мере, я таких не встречал. А когда начал писать, сутулиться стал больше. «Многие писатели такие. Это нормально. Теперь можно и не стараться ходить прямо, расправив плечи», – так оправдывал свой слабый характер и нежелание что-то делать с искривлённым позвоночником.

А когда на семинаре молодых писателей, съехавшихся со всей России, увидел двух ну очень сутулых молодых авторов, совсем расслабился. Один из них никуда не высовывался, тихо сидел на заднем ряду. Другой, наоборот, нисколечко не смущался, лез на трибуну выступать. Горб у него, надо заметить (трудно не заметить), что надо! Кажется, узкий модный пиджак треснет сзади по швам. Неудобно ему, бедному, даже развернуться не может. Но как соловьём заливается! А я слушаю и почему-то вспоминаю дурацкую детскую считалку: «Что в горбу? Денежки. Кто наклат? Дедушка. Чем он клал? Ковшиком. Каким ковшиком? Золотым».

ЗАИНЬКА

Набирал в отпуске фактуру для рассказа, может быть, даже с размахом на повесть. Соседи посоветовали сходить к Зое Прокопьевне Карандашовой, старожилу села: такую долгую жизнь прожила – 94 года! Помнит всех и всё. Забегая вперёд, скажу, что рассказ не сложился, но о визите нисколько не жалею, так как получил настоящий урок жизнелюбия.

Зоя Прокопьевна сама открыла дверь. Никак не дашь её возраст! С короткими пепельными волосами она больше похожа на подростка. Внимательный, изучающий взгляд. Говорит негромко, но чётко.

Я почувствовал себя учеником: Зоя Прокопьевна всю жизнь работала учителем начальных классов. Родилась она в 1926 году в деревне Загарье Вологодской области. Однажды в деревенскую школу приехала молоденькая учительница. Побоялась спать одна в незнакомом доме и пригласила ночевать маленькую Зою, дочку соседней. Учительница называла девочку Зоинька-Заинька. Учиться Зоя любила, перед самой

войной окончила школу с похвальным листом и отправилась в педучилище в Великий Устюг – на учителя.

В Вологодской области боёв не было, не дошёл враг, но воевать девушке пришлось – с голодом. Выручили сушеные грибы из деревни, ведь в белых грибах чистый белок, как в мясе. В педучилище, кроме основных предметов, студенток учили в тире стрелять: никто не знал, когда война отгремит.

В августе 1944 года после окончания учёбы Зоя поехала по распределению в Калининскую область, деревню Рубежник. Немцы всё сжигали перед отступлением, сожгли и школу. Одну чудом сохранившуюся избу оборудовали под новую школу. Старики кое-как сколотили парты, ступля. Там же жили и учителя.

Отработав положенный срок, Зоя вернулась на родную Вологодчину. Как-то раз (дело было уже в 1947 году) пришла в сельсовет на партийное собрание и сразу обратила внимание на мужчину в гимнастёрке. После собрания Анатолий (так звали военного) сказал Зое: «До свидания. Ещё встретимся». Когда увиделись в следующий раз, она была босиком, после сенокоса. Попросил разрешения проводить. Зоя ответила: «Если не стыдно вам со мной, босой, так пожалуйста». Через два месяца поженились...

Зое Прокопьевне пришлось работать во многих деревенских школах, всё с маленькими ребятами. Но однажды направили к старшим классам. Вспоминает, как пришла на первый урок, а там парни – здоровенные лбы: «Глаза не опускаю, а они на меня смотрят. Главное – первые минуты. Пока не встали прямо, не посадила класс, не начала урок».

Поселили Зою и Анатолия в селе Усть-Алексеево, в бывшем попковском доме. Пошли дети, один за другим. Помогала нянчиться золовка, глухонемая, со щедрой душой, на всех хватало её заботы и любви.

Так между школьными звонками и жизнь прошла. Спросил у Зои Прокопьевны, сколько учеников у неё было за почти сорок лет работы. Тысячи. Выпускники потом писали, приезжали издалека, даже из Украины: «Вы меня помните?» «Запоминаются только двоечники и драчуны да круглые отличники, – признаётся. – По старым программам учить было легче. Букварь был лучше. Пока ребёнок не понял материал, новый нельзя начинать. И не надо кричать на детей – толку не будет».

Ещё Зоя Прокопьевна поделилась, что учителя всегда мало зарабатывали, что жили они с мужем в деревне, у всех на виду, – в халате на улицу не выйдешь, что учителя на селе были почти как небожители.

«Недавно услышала, как родители ругают в присутствии детей учительницу, – рассказывает собеседница. – Разве можно было раньше такое представить? Почему вы так плохо говорите, спросила. Ответили, что, мол, очень строгая. Так ведь этому радоваться надо: значит, научит ребят».

Вот такая простая учительница. Ничего особенного: обычная жизнь, как у миллионов советских людей. Говорит, самое тяжёлое было – пережить смерть своих детей. А ещё Зоя Прокопьевна никогда не сплетничала, старалась не ругаться, относилась ко всем с добром:

– Мне хорошие люди встречались в войну и послевоенные годы. А каково тогда было жить – не то, что сейчас. Ну, и я старалась тоже со всеми так поступать.

Где-то эту истину уже слышал. Нравственное правило восходит к проповеди Иисуса Христа, к Евангелию от Матфея: «Итак во всём, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки». Знала ли об этом советская учительница? Вряд ли. Но, может, поэтому дал Бог долгую и счастливую жизнь Зое Прокопьевне...

ХРЕН ЕМУ

Ну, как не написать про коронавирус! Приехал я в отпуск в деревню, двоюродный брат тут же на велике прикатил. Правда, пока катил, упал. Красиво так падал, медленно, как в кино. Датый был сильно. Обниматься сразу полез...

– Слушай, я же из этого... карантин у нас в городе, мало ли что, – аккуратно отстраняюсь.

– Да какой на хрен карантин... – и загнул сложносочинённый мат длиной в целое предложение, а мог бы и больше. Абзац.

Наливаю брату от души, как говорится, с горкой. Пьём, обеззараживаемся.

Соседка вечером бежит:

– Вот хрен вам к столу. Мы им от вируса спасаемся. Имбирь дорого стоит, да к нам и не возят в деревню, всё равно никто не купит. Натрём сквозь слёзы хрен – и на завтрак, обед и ужин. А ещё майонезом заправим.

Блин, слюнки потекли, скулы свело. Хрен ему, вирусу, пока у нас есть хрен!

ПРИХОДИЛ ПУШИСТЫЙ КОТ...

Иногда сюжеты для будущих рассказов мне подкидывают знакомые: «Ну, ты же пишешь про деревню. Так вот, приключилась с нами такая история...» Не хочется что-то добавлять, художественно приукрашивать их правдивые рассказы, этим, кажется, только всё испортишь. Вот дословно почти мистический сюжет от землячки.

Однажды летом, несколько лет назад, в деревне к нашему дому прибил кот. Серый, пушистый, видно, что домашний. Близко не подходил, но, когда давали еду, всё съедал. Наведовался так несколько дней подряд.

Поехали мы с сыном за продуктами в село Теплогорье и на двери магазина увидели объявление: «Потерялся кот, домашний, привезён в деревню на лето. Очень скучают дети». И указан номер телефона. Я позвонила по этому номеру, рассказала про нашего кота: похож...

На следующее утро рано-рано приходит к нам бабушка и спрашивает: – Это вы вчера про кота звонили? Со мной разговаривали.

Мы пригласили пройти старушку. Говорим, что кот тут где-то ходит, вы подождите, вдруг он появится. Пока она ждала, разговорились.

Оказалось, что дом, который мы купили ещё в 1991 году и куда она к нам пришла, начал до войны строить её отец. Когда его забрали на войну, достраивала мать вместе с маленькими детьми. После войны они продали дом и уехали. Теперь эта бабушка живёт, как и мы, в Северодвинске, а в то лето приехала к дальним родственникам в гости в деревню Слизовицу. И как же она удивилась, что родительский дом ещё крепко стоит!

Пробыла старушка у нас целый день. Малины насобираала, по деревне погуляла, но коты, правда, так и не нашла. Да и к нам после того дня он так ни разу и не приходил...

Вот такая история. Уверен: так всё и было, потому что коты знают чуть больше нас. Недаром к ним такое уважение у верующих, что даже в церковь пускают.

ПРО БОМЖЕЙ

В райцентре навстречу мне шёл грязный бомж (а что, бывают чистые?) в какой-то зимней курточке. На дворе июнь... Сумки, пакеты в руках. Но! В марлевой повязке. Коронавирус, ё-моё! Повязка когда-то была светлая, а теперь под цвет асфальта.

У меня тут же возникла идея сделать фотовыставку про бомжей. Был у меня в запасе ещё один колоритный снимочек: бомжара – точь-в-точь Лев Николаевич Толстой. А ещё и бороду чешет. Может, вши. Тьфу!

В квартале от моего дома раз в неделю предприниматели кормят всех бездомных бесплатными ужинами. Такие там экспонаты собираются со всего города! Бери фотик – и устраивай фотосет бомжам. Выглядят они как капуста: чего только не надевают на себя! На случай плохой погоды, наверное.

Делюсь идеей о фотовыставке с братом. Мне кажется, это потрясающе: взбаламутить наш провинциальный городок. Такого ещё не было, чтоб чисто бомжатская выставка. Культурный шок.

– Никто к тебе не придёт, – грубо отрубает брат.

Но как же так? А я хотел вход на выставку сделать платным и по доброту душевной вырученные деньги бездомным потом раздать.

– Ну-ну, продолжай их тунеядству потакать...

– Но сами-то бомжи придут, которых я сниму? – не унимаюсь.

– Если только им нальёшь...

Выставки не было. Купил и выпил сам за их здоровье.

УПИТ И КОПЧЁНЫЙ

Эту историю мне рассказала добрая моя знакомая Галина Александровна, библиотекарь из глубинки Вологодской области. В конце 80-х уже прошлого века она начинала работать в сельской библиотеке. Чуть ли не в первый её рабочий день в библиотеку зашёл Копчёный. Этот старик жил в баньке, скорее напоминающей землянку. Видно, печь сильно вымахивала, потому что и сам Копчёный до кончиков волос, и одежда его пропахли гарью, от которой щипало глаза.

Когда он заходил в магазин, все невольно вначале принюхивались: не горит ли что, а потом отворачивались. И вот такой «пахучий» читатель пришёл в библиотеку к молоденькой девушке...

– Дайте мне Упита! – потребовал глухим голосом.

– Кого, простите? – библиотекарь растерялась: не знала она никого Упита и, честно говоря, подумала, что Копчёный ругается или совсем в своей землянке с ума сошёл.

– Он у вас точно есть, дайте Упита почитать! – не унимался старик.

И тут она поняла, что речь идёт о каком-то писателе, начала судорожно листать каталог. Копчёный стоял, распространяя запах.

«Так, латышский писатель, серия «Всемирная литература», – библиотекарь пошла искать редкого автора.

Потом Копчёный частенько заходил в библиотеку, ему уже самому разрешали брать стремянку и доставать пыльные книги с верхних стеллажей. Ещё он брал на растопку старые газеты.

– Районка «Советская мысль» плохо горит, а вот от «Правды» жара больше, – ворчал старик.

Когда шумные деревенские бабы приходили в библиотеку, он зажимал уши руками, чтобы не слышать их глупой болтовни. Листал книги...

– А дайте-ка мне, Галина Александровна, Упита почитать! – обратился я к библиотекарю, впечатленный этой историей. К стыду филолога, Упита я не читал.

И она вынесла толстенную книгу в когда-то солнечного цвета обложке, а теперь потускневшую. Не эту ли самую книгу брал Копчёный тридцать лет назад? Зачитался... Мне открылся новый интересный автор. Сложной, оказывается, была жизнь самого Андрея Упита, крестьянского парня. Многие его герои маленькие, но гордые люди. Может, этим он глянулся Копчёному? А ещё оказалось, что Упит во время Великой Отечественной из Латвии эвакуировался в соседнюю область, где жил Копчёный...

Вот только я побоялся спросить у библиотекаря, чем закончил жизнь странный читатель, чтобы не услышать страшно банальное: «Да угорел он...»

МУЖЧИНЫ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

В радужном настроении отправился в осенний лес. Этот день был словно сентябрьское лето: теплынь, солнце умножало яркий цвет и без того жёлтых листьев.

Прошёл метров сто от домов, как увидел на тропинке сидящего незнакомого мужчину. Никак не ожидал тут никого встретить: люблю быть в лесу один. Мужик в одежде охотника тоже явно был не рад встрече. Не пьяный вроде, чтобы сидеть... Наши взгляды на мгновение встретились. Мне показались его глаза влажными. Неужели от слёз? В руках заметил белую тряпочку, которую он быстро засунул в карман. Ладно. Молча прошёл мимо. Лопатками опасности не почувствовал. Тихо. Только ветерок шумит высоко-высоко, срывая листья. Радуюсь: день-то какой шикарный выстоял!

На обратном пути странного мужчины на тропинке уже не было. Я запомнил это место: тропа здесь делала резкий поворот. Зачем-то шагнул в лес. Не знаю, почему. И вдруг увидел небольшой прямоугольник взрыхлённой земли, камень и ромашки – искусственные цветы... На могилку хвостатого друга бесшумно падали золотистые листья, только что радовавшие глаз...

СЛЕПЫЕ СТИХИ

Люблю писать про литературную братию. Ох, поколотят они меня, если узнают!

...Я сразу заметил этого молодого поэта, поселившегося перед семинаром в нашем номере. Какой-то он неловкий, рубашка выехала из брюк, а он её не заправляет. Крошки на кровати, простынь съехала на пол, на неё все грязными ботинками наступают... Блин, парень же плохо видит! Совсем плохо. Оказалось, на семинар он приехал не один, а со своей девушкой. Не она бы, не добрался б на поезде.

С любимой он познакомился в специнтернате. У неё тоже очки толстые. А как у него всё случилось со зрением? Неудачные роды: его рожали в воде дома. Одно время это было модно.

– Да про вас надо написать роман, – кто-то из прозаиков перехватывает мою идею, пока я, как всегда, торможу.

А тот полуслепой парень – талант! По стиху каждый день пишет. О чём? Конечно, про Любовь.

